

Олег ПУЛЯ

Эдмон де Ротшильд (Авраам Биньямин Джеймс де Ротшильд), прославившийся как организатор и самый щедрый из покровителей еврейского поселенческого движения в Палестине, был сыном Джеймса (Якоба) Майера Ротшильда – основателя французской ветви Ротшильдов, которого младшие поколения семьи с глубоким почтением именовали Великим Бароном.

Появившись на свет в августе 1845 года в Париже, Эдмон с детства ощущал свою принадлежность к богатейшим семействам Европы – но странным образом не питал склонности к приумножению капиталов, в отличие от братьев и тем более отца (когда Великий Барон умер в 1868-м, газеты отметили, что приехал он в Париж с миллионом франков, но оставил после себя состояние в два миллиарда). Получив прекрасное домашнее образование и в 23 года унаследовав часть грандиозного состояния отца, он прославился как утонченный знаток и коллекционер произведений искусства, пронес эту любовь через всю жизнь и впоследствии был избран членом французской Академии изящных искусств. Конечно, интересовался Эдмон не только этим. Он был хорошо знаком с главным раввином Парижа Цадоканом Каном и одним из основателей «Всемирного еврейского союза» Шарлем-Ицхаком Неттером. Также Эдмон переписывался с Александром Дюма (сыном), когда его пьеса «Жена Клода» вызвала в 1873-м бурю протестов ассимилированного французского еврейства – виной чему стал вложенный в уста одного из ее героев горячий призыв к евреям вернуться на родину предков и возродить там не только язык и культуру, но и государство. А после того как весной 1881 года в Российской империи начались еврейские погромы, он вошел в комитет помощи их жертвам. И всё же, всё же... при горячем и деятельном сочувствии молодого барона к страданиям французского и восточноевропейского еврейства, ничто, казалось, не располагало к тому, чтобы он всерьез занялся делами именно Эрец Исраэль.

Ситуация изменилась осенью 1882-го, когда материальное положение первопоселенцев, перебравшихся после погромов из России в Палестину, дошло до последней крайности. Отчаявшись найти источник помощи, раввин Шмуэль Могилевер вспомнил о благодеяниях, оказанных иерусалимской еврейской общине еще Великим Бароном. Он решил отправиться в Париж и просить его сына о помощи для сельскохозяйственного поселения Заммарин под Хайфой, где обосновалась группа поселенцев из Одессы. Встретиться с Ротшильдом Могилеверу помог всё тот же главный раввин Парижа Кан, он же переводил с идиш на французский.

Справедливо считается, что именно рав Могилевер сумел отыскать слова, тронувшие сердце Эдмона де Ротшильда, – после чего, вплоть до последних своих дней (он умер в Париже в 1934-м), барон почти всё время и огромные деньги посвящал развитию еврейского сельского хозяйства на землях Палестины. Могилевер со страстью очевидца говорил о бедствиях бесправных российских

«Отец ишува» барон Эдмон де Ротшильд

евреев, о страданиях многих тысяч беженцев из России и стран Восточной Европы – единственным выходом считая массовую эмиграцию евреев в Эрец Исраэль. Барона мысль о массовом переселении не увлекла, но идею создания еврейских поселений в Палестине он принял – и, более того, согласился немедленно ее финансировать. Но, будучи финансистом, первым делом он увидел и крайне неблагоприятные обстоятельства, проекту сопутствующие. Во-первых, Палестина была тогда провинцией Османской империи, а турки еврейскую иммиграцию откровенно не жаловали, и покупка земли иностранцами воспрещалась

с вполне устойчивым финансовым положением и 28 000 га выкупленной для них земли. Правда, управление это осуществлялось достаточно авторитарными методами. Но по-другому и быть не могло из-за максимализма барона, стремившегося всему миру доказать, что евреи в состоянии существовать собственным и к тому же высокопроизводительным трудом. Причем очень скоро этот максимализм в силу некоторых не явных для нас обстоятельств тех времен привел его к конфликту и с большинством поселенцев, и с нарождающимся сионистским движением, и даже со многими из семейства Ротшильдов.

Что касается поселенцев, то барон исходил из отсутствия у них всяческих навыков самостоятельного хозяйствования и согласился оказывать покровительство только при условии их дисциплинированности и беспрекословного подчинения всем распоряжениям его администраторов. Как и многие западноевропейские евреи, барон разделял не слишком высокое мнение о восточноевропейских единоверцах – а в 1880-х прибывали в Палестину именно они. К тому же для первых Ротшильдов вполне естественным было сочетание

Гордость Тель-Авива – знаменитый бульвар Ротшильда, 1913 год

категорически. Вторым минусом была общая экономическая запущенность Палестины. И ко всему у потенциальных поселенцев практически отсутствовал опыт производительного сельскохозяйственного труда. Следовательно, массовая эмиграция в Палестину, призывы к которой всё громче раздавались в тогдашней Европе, вызвала бы жесткий и даже жестокий отпор со стороны турок – да и попросту обрекла бы большинство поселенцев на голодную смерть, несмотря ни на какую филантропию... Ротшильд решил, что переселение надо сделать тихим и постепенным, проводить его небольшими группами со строгим отбором кандидатов и только после создания для прибывающих некоего минимума условий. И за два последующих десятилетия он не отступил от этого своего принципа ни на йоту.

Заммарину первая помощь была направлена незамедлительно, и по желанию барона это поселение тут же переименовали в Зихрон-Яков – в память о его отце Якобе Майере Ротшильде. Чуть позже барон согласился взять под покровительство и находившийся на грани полного разорения Ришон-ле-Цион. Вскоре из Франции в Палестину потянулись специалисты по виноградарству и виноделию – это, по мысли Ротшильда, должно было навсегда обеспечить поселенцев устойчивым заработком. А в 1887 и 1893 годах Эдмон предпринял личные путешествия в Эрец Исраэль – и французского знатока искусства вдохновило и прельстило здесь очень многое, от открывавшихся с горы Кармель вполне европейских пейзажей до великолепных перспектив заселения и экономического развития страны. Идея эта захватила барона целиком – и его деньги хлынули сюда поистине живительным потоком. Строились дома и синагоги, фабрики и гидротехнические сооружения – и к началу нового, XX века Ротшильд потратил на развитие поселений не менее 32 миллионов еще не ведавших инфляции золотых франков.

И результат впечатлял. Если в начале 1880-х в Палестине на грани прозябания существовало лишь четыре крохотных еврейских поселения, то в первые годы XX столетия администрация Ротшильда управляла уже двумя десятками поселений

осущение болот и прокладку дорог, снабжали поселенцев инвентарем и посевным материалом. Они заботились обо всем – вот только о свободе воли поселенцам приходилось забыть. Заниматься можно было лишь физическим сельскохозяйственным трудом, вдобавок жестко регламентировались частная жизнь и быт, предписывалось строгое соблюдение религиозных традиций, а общение дозволялось исключительно на иврите. Не обходилось и без чиновничьих несправедливостей, случаев протекционизма и коррупции – а в Париже при разборе жалоб Ротшильд откровенно принимал сторону чиновников, считая, что жалобщиков попросту сломали тяготы сельскохозяйственной жизни. Отчаявшиеся поселенцы иногда решались даже на коллективное неповиновение – но из Парижа неизменно требовали изгнать зачинщиков из поселений.

Угрозу для своей миссии в Эрец Исраэль барон увидел и в сионистском движении. Только однажды, в 1896-м, он согласился

встретиться с Теодором Герцлем, но встреча не принесла взаимопонимания. Пламенные призывы Герцля к финансированию массового переселения в Палестину Ротшильд считал безответственной авантюрой, которая может навсегда закрыть евреям путь на историческую родину.

Конфликты с поселенцами пошли на убыль, когда в 1899 году все земельные колонии на выкупленных землях Палестины барон передал Еврейскому колонизационному обществу (ЕКО). Конечно, средства Ротшильда еще долго оставались основным источником финансирования поселенческой деятельности, а барон по-прежнему участвовал в управлении как президент Палестинского совета при ЕКО. Но «режим чиновников» сменился экономическим контролем эффективности поселенческих хозяйств, и жизнь поселенцев отныне базировалась на принципах самоуправления. Что, кстати, снова вызвало недовольство очень многих из них, привыкших во всем полагаться на решения покровителей и истуканавшихся свалившейся на них ответственности за собственную судьбу.

Незадолго до Первой мировой войны произошло непосредственное знакомство сионистов с проектом Ротшильда в Эрец Исраэль, а барон ближе ознакомился с деятельностью сионистов. Обе стороны с удивлением обнаружили, что решают они фактически одни и те же проблемы и движутся к одной цели. В 1913 году ЕКО и сионистские организации впервые начали сотрудничать в вопросах приобретения земельных участков, а барон лично пообщался с лидером сионистского движения Хаимом Вейцманом. И впоследствии сближение Ротшильда и сионистов проходило поистине стремительно. Уже в декабре 1914-го Ротшильд выразил полную поддержку идее Вейцмана о создании в Эрец Исраэль еврейского государства, а в 1916-м открыто признал, что был неправ в своем давнем противостоянии с Герцлем, отметив огромное значение идеалов сионизма.

В 1917 году стало ясно, что крушение Османской империи в результате Первой мировой войны неминуемо – а ведь именно она виделась Ротшильду главным и неодолимым препятствием на пути к возрождению еврейской государственности. Поэтому барон всеми силами поддержал сионистов их борьбе за признание великими державами-победительницами права еврейского народа на свой национальный очаг в Палестине. В 1920-е барон стал всё больше внимания обращать на необходимость промышленного развития Палестины и изыскать свои учреждения из подчинения ЕКО, переведя их в специально созданное Палестинское колонизационное общество – важнейшей задачей которого стало привлечение состоятельных евреев вместе с их капиталами к делу национального возрождения.

В 1925 году, при последнем визите Ротшильда в Палестину, еврейское население встретило его как «отца ишува», а Вейцман назвал барона величайшим сионистским лидером современности. Но о его вкладе в развитие Эрец Исраэль лучше всего сказал сам барон Эдмон Джеймс де Ротшильд: «Без меня сионисты мало чего бы достигли, но без сионистов собственное мое дело погубило бы».

Банкнота в 500 шекелей с портретом Эдмона де Ротшильда, 1982 год. На обороте – гроздь винограда, столь много значившего для поселенцев

Золотая медаль, отчеканенная в 1966 году в память Эдмона де Ротшильда, «отца ишува», и его старшего сына Джеймса, завещавшего гигантскую сумму на строительство здания Кнессета в Иерусалиме